

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ

Уважаемые читатели!

С XVI в., когда Балтийский регион стал ареной ожесточенного соперничества ряда европейских держав («битва за Балтику»), он превратился в объект внимания историков – сначала ливонских, а затем и прочих. В настоящее время он продолжает пребывать в этом качестве, неизменно присутствуя в поле как общественного, так и научного дискурса, которые обеспечивают историзацию многих современных представлений об экономическом, социально-политическом и культурном развитии этого региона, пребывающего на стыке Западной, Северной и Восточной Европы и получившего общеевропейское признание в эпоху Средневековья и раннего Нового времени (до середины XVII в.). Популярность балтийской тематики в среде историков обусловлена масштабностью и длительностью – с «эпохи викингов» и до современности – его пребывания в качестве международной и межгосударственной контактной зоны, изучению которой, собственно, и призвано способствовать научное периодическое издание «Сaurus». Совокупность статей российских и зарубежных историков, содержащихся в его предыдущих выпусках, соответствует общей методологической направленности современных балтийских исторических исследований, которая предполагает существенное расширение их тематического и проблемного формата посредством привлечения разноплановых источников, оригинальных аналитических подходов, а также грамотного использования исторического контекста. Последнее важно ещё и потому, что динамичное развитие исторической науки зачастую вынуждает исследователей сталкиваться с различием интерпретаций и трактовок исторических явлений, ориентироваться в которых, выявлять степени их объективности помогает исторический фон.

Узкая привязка к исследуемому сюжету без учёта сопровождавших его обстоятельств, даже тех, что представляются на первый взгляд незначительными или периферийными, как правило, понижает результативность исторического анализа и чревата ошибочными заключениями. В этой связи нельзя не согласиться с мнением выдающегося французского историка Люсьена Февра, утверждавшего, что культура памяти, формированию которой посвящает себя профессиональный историк, предполагает постоянное самообновление, выражающееся не только в конструировании ментальных моделей общественного поведения людей прошлого, но и в устранении, иногда крайне болезненное, изживших себя историографических штампов. Успех разрешения этой двуединой задачи напрямую зависит от объёмов и качества научных изысканий в той или иной области исторического знания. В целях оптимизации этого процесса при изучении средневековой и нововременной истории стран Балтийского региона редакция журнала предлагает читателям статьи различной тематической направленности, хотя и стремится в рамках одного выпуска сформировать вполне определенную сюжетную композицию.

Исходя из этих соображений, было принято решение посвятить настоящий выпуск отдельным моментам истории Тевтонского (Немецкого) ордена и его подразделения в Ливонии, в российской историографии более известного как Ливонский орден. Выбор темы определяется, главным образом, довольно ограниченными успехами в его изучении отечественной историографией, в рамках которой, говоря словами эстонского историка П. Раудкиви, орденская тематика, как это повелось со времен Советского Союза, «если и не была запрещена, то отношение к ней было ясно и недвусмысленно определено: до последнего времени в ней присутствует система контрастов “черный-белый”, “плохой-хороший” – беспроблемная и простая в применении»¹. Пересмотр отношения российских историков к духовно-рыцарским орденам, сыгравшим немаловажную роль в истории средневековой Прибалтики, диктуется временем, поскольку без этого невозможно пересмотреть наследие крайне идеологизированной «политической историографии», а также ликвидировать чудовищное отставание российской исторической науки в этом плане от западноевропейских коллег². При этом речь идёт не о заимствовании чужих наработок, но, скорее, о собственных достижениях в изучении Орденской Пруссии и Ливонского ордена в разных контекстах времени.

Открывает настоящий выпуск статья Ю. Н. Кежи (Белорусский государственный университет) «Социальные связи между политическими акторами на территории Прибалтики в конце XII – начале XIII в. (по данным «Хроники Ливонии»», которая посвящена начальному этапу становления особой, «конфедеративной», формы государственности Старой Ливонии в ходе её немецкого и датского завоевания 80-х гг. XII – 20-х гг. XIII в., который представлен в отражении одного из самых известных ливонских нарративных памятников, «Хроники Генриха Латвийского» (*Heinrici Cronicon Lyvoniae*). В фокусе внимания исследователя находится механизм формирования контактов основных фигурантов феодального освоения Ливонии указанного периода – Рижского епископа Альберта и иных представителей ливонского епископата, духовно-рыцарского ордена Меченосцев, датского короля Вальдемара II, князей Полоцка и Пскова, в контексте их взаимодействий с местными племенными вождями. Выстраивание между ними сложной системы взаимоотношений, включавшее обмены дарами, заключение политических союзов, отношения политического посредничества, способствовало стабилизации обстановки в регионе и стало неотъемлемой частью исторического антуража, сообщающего дополнительные нюансы превентивной фазе государственного строительства в Восточной Прибалтике, связанной с появлением так называемых *herrschaften* или феодальных владений.

Внутренней организации Тевтонского ордена, во многом предопределившей успех формирования орденских государств Пруссии и Ливонии, посвящено исследование А. С. Котова (Томский государственный университет) «Перемещение официалов Немецкого ордена в XIII – первой четверти XVI в. через призму методов визуализации». Отношение к духовно-рыцарскому ордену как к властному институту,

¹ Raudkivi P. Historia zakonu inflanckiego jako część historii Łotwy i Estonii. (XIII w. – 1. połowa XVI w.) // Ekspansja niemieckich zakonów rycerskich w strefie Bałtyku od XIII do połowy XVI wieku. Toruń, 1990. S. 86.

² Бессуднова М. Б. Ливонский орден в современной зарубежной историографии // Средние века. Вып. 79/1. 2018. С. 103–125.

предопределившему основные дефиниции орденских государств, заставляет обратиться к функциональным особенностям его рыцарского братства. Братья-рыцари Тевтонского ордена, выступавшие в роли управленцев (официалов) ордена-ландсгерра (государя), образовывали внутри его иерархизированный, сбалансированный, эффективно действующий управленческий корпус, от которого зависело функционирование всех орденских корпоративных и государственных структур. В процессе изучения орденских управленческих институций автор статьи обращает внимание на характер карьерного роста орденских должностных лиц и динамику их перемещения от должности к должности в XIII – начале XVI в., стараясь выявить их закономерности и функциональность в пределах орденского государства. Недостаток информации о служебных подвижках в ордене, которая содержится в письменных источниках, ему помогает компенсировать метод визуализации, заложенный в основу недавно разработанной *Gephi*-матрицы. Он позволяет произвести описание служебных перемещений рыцарей ордена с помощью просопографических таблиц и построенных на их основе графиков, образцы которых представлены. Среди приведённых данных выделяются своеобразные индикаторы для определения степени устойчивости служебных назначений, позволяющие проблематизировать формальную внутриорденскую иерархию, выделить и интерпретировать наиболее устойчивые карьерные траектории.

Продолжая тему Тевтонского ордена в Пруссии, Ф. Д. Подберёзкин (Белорусский государственный университет) обращается к личности маркграфа Дитриха фон Ландсберга и мотивам его поездки в Пруссию для участия в организованном орденом крестовом походе 1272 г. Ответ на вопрос «Зачем Дитрих фон Ландсберг поехал в Пруссию?», который помещён в заголовок статьи, даётся с учётом крестоносных обычаев династии Веттинов и Мейсенского маркграфства, а также конфликтной ситуации, в которой оказался герой очерка накануне своей поездки. Ссора с отцом, маркграфом Генрихом Светлейшим, а также с епископом Мерзебурга Фридрихом фон Торгау, из-за которого Дитрих был провозглашён «гонителем Церкви», равно как и проблемы с легитимизацией маркграфства Ландсберг, противоречившей имперскому праву, побудили Дитриха искать выход из создавшегося положения в обретении звания крестоносца и «добротного христианина», что ему полностью удалось. Пример ландграфа, решавшего свои сугубо светские, никак не связанные с орденом, проблемы, служит доказательством того, что уже в период наивысшего расцвета крестоносного движения в Прибалтике религиозные мотивации в поведении знатных крестоносцев уступали место приземленным соображениям, а участие в делах Тевтонского ордена превращалось в своеобразный «символический капитал», помогавший решать проблемы с семьёй и Церковью.

Ливонское поразделение Тевтонского ордена, в силу объективных причин (прежде всего, относительной скудости сохранившегося документального материала), изучено гораздо хуже ордена в Пруссии, и потому зачастую предстает как исключительно военная организация, представлявшая угрозу для северо-западных русских земель. Опровержением этого может стать статья М. Б. Бессудновой и В. А. Якуниной (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого) «Нарва в хозяйственной системе ливонского орденского государства: К постановке

проблемы». Исследователи обратились к проблеме экономической структуры ливонского орденового государства, которую они рассматривают сквозь призму торгово-предпринимательской деятельности Нарвы как малого города орденового подчинения. Особо отмечается, что внимание орденовых фогтов к её экономическому состоянию предопределялось их личной ответственностью за обеспечение потребностей орденового замка и города, которое ввиду их приграничного положения имело важное стратегическое значение. Это заставляло служащих ордена практиковать разные формы предпринимательства, хотя ограниченность ресурсов орденового домениального хозяйства в округе (гебите) Нарвы и малой поддержки со стороны других ливонских городов вынуждали руководство Ливонского ордена и представлявших его интересы фогтов сосредотачивать внимание на внешнем товарообмене Нарвы, в частности, на её русской торговле. Путём пожалования Нарве торговых привилегий и покровительства со стороны фогтов ордену удалось укрепить экономическое положение Нарвы и её роль в русско-ганзейской торговле, что отчасти компенсировало отсутствие у неё ганзейского статуса, ограничения её торговли со стороны ганзейских городов Ливонии, а также обеспечивало тесное сотрудничество орденовых и муниципальных властей. В периоды обострения русско-ливонских противоречий неганзейский статус Нарвы использовался её администрацией для торговли в нарушение ганзейских запретов на торговлю с русскими, тем самым содействовав превращению Нарвы в оплот русско-ливонской неформальной или «необычной» торговли. Бесперебойность поставок в Нарву русских экспортных товаров в обход Ревеля и Ганзы фогты гарантировали посредством защиты русско-ливонских купеческих сделок как на местном уровне, так и на уровне ревельского магистрата.

Статья Е. В. Салминой и С. А. Салмина (Археологический центр Псковской области) «Двор “льняника”: археологическое исследование льнообрабатывающего комплекса XVI–XVII вв. в Петровском конце Пскова» выходит за рамки орденового контекста, однако важна для понимания значения экономики русского Северо-Запада для развития торговых контактов с сопредельными ливонскими территориями. Экспорт льна через Псков и Ливонию на рынки Западной Европы, существенно возросший в результате открытия руководством ордена дороги между орденовым городом Мариенбургом (Алуксне) и Псковом для русской торговли, являлся важным фактором межгосударственных отношений в период позднего Средневековья и Нового времени. В этой связи авторы статьи подняли вопрос об обработке льняного сырья в Пскове, при решении которого использовали данные письменных и археологических свидетельств, в частности, материалы раскопок городского двора с комплексом сооружений для обработки льна (мочильные ямы с массивами льняной кострики, конструкции для обтекания льняной массы, навесы для первичной сушки). Поскольку деятельность хозяев двора оставалась связанной с обработкой льна более столетия, он получил наименование Двор «льняника». Устойчивый характер производства свидетельствует о высокой рентабельности льнообрабатывающего дела несмотря на неустойчивость цен, неблагоприятные погодные условия, периодическое блокирование торговых маршрутов ввиду военных или политических обстоятельств и т. п. Расположение данного участка в непосредственной близости к псковскому

Льняному гостиному двору позволяет предположить, что владельцы усадеб, аналогичных Двору «льняника», не только поставляли туда собственную товарную продукцию, но также обрабатывали льняное сырьё, доставляемое туда другими лицами.

В разделе «Хроника» помещён обзор всероссийской научной конференции с международным участием «Шестые Лихудовские чтения» на тему «Европейские традиции в истории высшей школы в России: от доуниверситетской модели к университетам», которая была проведена 18–20 апреля 2024 г. в Гуманитарном институте Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого при участии Новгородского государственного объединённого музея-заповедника и Российской Национальной библиотеки. Тематика Чтений традиционно была посвящена изучению деятельности и научного наследия братьев Иоанникия и Софрония Лихудов, истории созданных ими в России учебных заведений, традициям образования и книжной культуры в России и за рубежом, начиная от Средневековья и до Нового времени. Всего в программе конференции было заявлено 53 доклада, авторами которых стали историки, филологи, философы, педагоги, архивисты, библиотекари, магистранты и студенты из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Новосибирска, Саратова, Ярославля, Иванова, Пскова, Уфы, Тамбова, Твери, Липецка, Арзамаса, Великого Новгорода, а также ученые из Пекина и Вены. «Шестые Лихудовские чтения» были посвящены юбилею Заслуженного работника Новгородского государственного университета, кандидата исторических наук, доцента Инны Львовны Григорьевой, которая была инициатором и организатором проведения в НовГУ трех конференций «Лихудовские чтения» (1998, 2001, 2010), создателем в Великом Новгороде научной группы, занимающейся изучением истории отечественного образования и книги, а также предысторией Новгородского государственного университета.

М. Б. Бессуднова, А. В. Ушаков

EDITORS' FOREWORD

Dear readers!

Since the 16th century, when the Baltic region became an arena of fierce rivalry between a number of European powers (the “Battle for the Baltic”), it has become an object of attention for historians – first Livonian and then others. At present, it continues to exist in this capacity, invariably present in the field of both public and scientific discourse, which provide for the historicization of many modern ideas about the economic, socio-political and cultural development of this region, located at the junction of Western, Northern and Eastern Europe and which received pan-European recognition in the Middle Ages and early modern period (until the mid-17th century). The popularity of the Baltic theme among historians is based on the scale and duration – from the “Viking Age” to the present day – of its presence as an international and interstate contact zone, the study of which, in fact, is what the “Caurus” scientific journal is intended to promote. The collection of articles by Russian and foreign historians contained in its previous issues corresponds to the general methodological focus of modern Baltic historical research, which presupposes a significant expansion of their thematic and problematic format by attracting diverse sources, original analytical approaches and the competent use of historical context. The latter is also important because the dynamic development of historical science often forces researchers to face a wide field of interpretations and treatments of various historical phenomena, where the historical context helps to navigate and identify the degree of their objectivity.

A narrow focus on the subject under study without taking the circumstances that accompanied it into account, even those that seem insignificant or peripheral at first glance, usually reduces the effectiveness of historical analysis and is fraught with erroneous conclusions. In this regard, one cannot but agree with the opinion of the outstanding French historian of the Lucien Febvre, who argued that the culture of memory, the main vocation of the professional historian, presupposes constant self-renewal, expressed not only in the construction of mental models of social behavior of people of the past, but also the elimination, sometimes extremely painful, of outdated historiographical clichés. The success of resolving this dual task directly depends on the volume and quality of scientific research in a particular area of historical knowledge. In order to optimize this process when studying the medieval and modern history of the Baltic region countries, the editorial board offers articles of various thematic focus, and strives within the framework of one issue to form quite definite plot composition.

Based on these considerations, it was decided to devote this issue to certain moments in the history of the Teutonic (German) Order and its division in Livonia, better known in Russian historiography as the Livonian Order. The choice of topic was determined mainly by the rather limited successes in its studying in Russian historiography, within which, using the words of the Estonian historian P. Raudkivi, the Order theme, as it has been since the times of the Soviet Union, “if it was not banned, then the attitude towards it was clearly and unambiguously defined: until recently, it has had a system of contrasts “black-white”, “bad-

good” – problem-free and easy to apply.”³. The revision of the Russian historians’ attitude to the spiritual and knightly orders, which played an important part in the history of the medieval Baltics, is dictated by the times, since without this it is impossible to reconsider the legacy of the extremely ideological “political historiography”, as well as to eliminate the enormous lag of Russian historical science in this regard from Western European colleagues⁴. At the same time, we are referring not to borrowing other people’s work, but rather to our own achievements in the study of the Order Prussia and the Livonian Order in different contexts of time.

This issue opens with an article by Yu. N. Kezhi from Belarusian State University “Social ties between political actors in the Baltic Territory in the late 12th – early 13th centuries (according to the “Chronicle of Livonia”). The article is devoted to the initial stage of the formation of a special, “confederate” form of statehood in Old Livonia during its German and Danish conquest in the 1280s – 1320s, which is presented in the light of one of the most famous Livonian narrative monuments, the “Chronicle of Henry of Latvia” (*Heinrici Cronicon Lyvoniae*). The researcher focuses on the mechanism of establishing contacts between the main figures of Livonia feudal development of the specified period – the Riga Bishop Albert and other representatives of the Livonian episcopate, the spiritual and knightly order of the Brothers of the Sword, the Danish King Valdemar II, the princes of Polotsk and Pskov, in the context of their interactions with local tribal leaders. The construction of a complex system of relationships between them, which included the exchange of gifts, the formation of political alliances, and relations of political mediation, contributed significantly to the stabilization of the situation in the region and became an integral part of the historical entourage, imparting additional nuances to the preventive phase of state building in the Eastern Baltic, associated with the emergence of the so-called *herrschaften* or feudal estates.

The internal organization of the Teutonic Order, which largely predetermined the success of the formation of the Order states of Prussia and Livonia, is the subject of the study by A. S. Kotov (Tomsk State University) “The German Order officials movement in the 13th – first quarter of the 16th centuries through the prism of visualization methods”. The attitude to the spiritual and knightly order as a power institution that predetermined the main definitions of the Order states forces us to turn to the functional features of its knightly brotherhood. The knight brothers of the Teutonic Order, who acted as managers (officials) of the Order-Landsherr (sovereign), formed within it a hierarchical, balanced, effectively functioning management corps, on which the functioning of all the Order corporate and state structures depended to a large extent. In the process of studying the Order’s administrative institutions, the author of the article draws attention to the nature of the order officials’ career growth and the dynamics of their movement from position to position in the 13th – early 16th centuries, trying to identify their patterns and functionality within the Order’s state. The lack of information on career advancement in the Order, which is contained in written sources, is compensated for by the visualization method underlying the recently developed *Gephi*-matrix. It allows to describe the career advancement of the

³ Raudkivi P. Historia zakonu inflanckiego jako część historii Łotwy i Estonii. (XIII w. – 1. połowa XVI w.) // Ekspansja niemieckich zakonów rycerskich w strefie Bałtyku od XIII do połowy XVI wieku. Toruń, 1990. S. 86.

⁴ Бессуднова М. Б. Ливонский орден в современной зарубежной историографии // Средние века. Вып. 79/1. 2018. С. 103–125.

knights of the Order using prosopographical tables of graphs constructed on their basis, samples of which are presented. Among the data provided, unique indicators are distinguished for determining the degree of stability of official appointments, allowing one to problematize the formal intra-order hierarchy, identify and interpret the most stable career trajectories.

Continuing the theme of the Teutonic Order in Prussia, F. D. Podberezkin (Belarusian State University) turns to the personality of Margrave Dietrich von Landsberg and the motives for his trip to Prussia to participate in the crusade of 1272 organized by the Order. The answer to the question “Why did Dietrich von Landsberg go to Prussia?”, which is included in the title of the article, is given taking the crusading customs of the Wettin dynasty and the Meissen Margraviate into account, as well as the conflict situation in which the hero of the essay found himself on the eve of his trip. A quarrel with his father, Margrave Henry the Illustrious, as well as with the Bishop of Merseburg, Friedrich von Torgau, because of whom Dietrich was proclaimed a “persecutor of the Church”, as well as problems with the legitimization of the Margraviate of Landsberg, which contradicted imperial law, prompted Dietrich to seek a way out of the situation in acquiring the title of a crusader and a “good Christian”, which he completely succeeded in doing. The example of the landgrave, who solved his purely secular problems, in no way connected with the Order, serves as proof that already during the period of the highest flourishing of the crusader movement in the Baltics, religious motivations in the behavior of noble crusaders gave way to mundane considerations and participation in the affairs of the Teutonic Order turned into a kind of “symbolic capital” that helped solve problems with family and the Church.

The Livonian division of the Teutonic Order has been studied much less thoroughly than the Order in Prussia due to objective reasons (primarily due to the relative scarcity of surviving documentary material) and is therefore often presented as an exclusively military organization that posed a threat to the northwestern Russian lands. M. B. Bessudnova and V. A. Yakunina (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University) oppose this point of view in their article “Narva in the economic system of the Livonian Order state: towards the formulation of the problem”. The researchers turned to the problem of the economic structure of the Livonian Order state, which they consider through the prism of the trade and entrepreneurial activity of Narva as a small city under the Order’s subordination. It is particularly stressed that the attention of the Order’s vogts to its economic situation was predetermined by their personal responsibility for meeting the needs of the Order castle and the city, which, given their border location, was of great strategic importance. This forced the employees of the Order to practice various forms of entrepreneurship, although the limited resources of the Order’s domain economy in the district (gebitt) of Narva and the little support from other Livonian cities forced the leadership of the Livonian Order and the vogts representing its interests to focus on Narva’s external trade, in particular, on its Russian trade. By granting Narva trade privileges and patronage from the vogts, the Order managed to strengthen the economic position of Narva and its role in the Russian-Hanseatic trade, which partly compensated for its lack of Hanseatic status, the restrictions on its trade from the Hanseatic cities of Livonia, and also ensured close cooperation between the Order and municipal authorities. During periods of heightened Russian-Livonian tensions, Narva’s non-Hanseatic status was used by its administration for trade in violation of the Hanseatic ban on trade with Russians, thereby contributing to the

transformation of Narva into a stronghold of Russian-Livonian informal or “unusual” trade. The vogts guaranteed the uninterrupted supply of Russian export goods to Narva bypassing Reval and the Hanseatic League by protecting Russian-Livonian merchant transactions both at the local level and at the level of the Reval magistrate.

The article by E.V. Salmina and S.A. Salmin (Archaeological Centre of the Pskov Region) “The Estate of the “Lnyanik” (Flax Handler): Archaeological Research of the Flax Processing Complex of the 16th-17th Centuries in the Petrovsky End of Pskov” goes beyond the context of the Order but is important for understanding the significance of the Russian Northwest economy for the development of trade contacts with the adjacent Livonian territories. The export of flax through Pskov and Livonia to the markets of Western Europe, which increased significantly as a result of the Order’s leadership opening a road between the Order city of Marienburg (Aluksne) and Pskov for Russian trade, was an important factor in interstate relations during the late Middle Ages and the New Age. In this regard, the authors of the article raised the issue of flax processing in Pskov, using written and archaeological evidence to solve the problem, in particular, excavation materials from a city courtyard with a complex of structures for flax processing (soaking pits with arrays of flax husks, structures for flowing flax mass, sheds for primary drying). Since the activities of the courtyard owners remained associated with flax processing for more than a century, it was named the Estate of the “Lnyanik” (Flax Handler). The stable nature of production indicates the high profitability of flax processing despite price instability, unfavorable weather conditions, periodic blocking of trade routes due to military or political circumstances, etc. The location of this site in close proximity to the Flax Gostiny Dvor (Market Yard) suggests that the owners of estates similar to the the Estate of the “Lnyanik” (Flax Handler) not only supplied their own commercial products there, but also processed flax raw materials delivered there by other persons.

The Chronicle section contains an overview of the All-Russian scientific conference with international participation, the Sixth Leichoudes Studies, on the topic of European Traditions in the History of Higher Education in Russia: from the Pre-University Model to Universities, which was held on April 18–20, 2024, at the Humanities Institute of the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University with the participation of the Novgorod State United Museum-Reserve and the Russian National Library. The topics of the Studies were traditionally devoted to studying the activities and scientific legacy of the brothers Ioannikios and Sophronios Leichoudes, the history of the educational institutions they created in Russia, the traditions of education and book culture in Russia and abroad, from the Middle Ages to the New Age. In total, the conference program included 53 reports by historians, philologists, philosophers, teachers, archivists, librarians, graduate and undergraduate students from Moscow, St. Petersburg, Yekaterinburg, Novosibirsk, Saratov, Yaroslavl, Ivanovo, Pskov, Ufa, Tambov, Tver, Lipetsk, Arzamas, Veliky Novgorod, as well as scholars from Beijing and Vienna. The Sixth Likhudov Studies were dedicated to the anniversary of Distinguished Employee of Novgorod State University, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Inna Lvovna Grigorieva, who was the initiator and organizer of three Likhudov Studies conferences at Novgorod State University (1998, 2001, 2010), the creator of a research group in Veliky Novgorod studying the history of Russian education and books, as well as the prehistory of Novgorod State University.

M. B. Bessudnova, A. V. Ushakov